

Этими сведениями мы обязаны трактату «Житие Герарда Великого» («Vita Gerardi Magni») Фомы Кемпийского (1380—1471), испытавшего очень глубокое влияние Гроота. В течение примерно шести лет жизнь Фомы была связана с «Братьями совместной жизни»; учеником этого братства станет впоследствии Эразм. Был ли Фома автором «Подражания Христу»*** или нет, но его животворил тот же дух, и каждый знает, что сказано в этой книге о диалектике: «Et quid curae nobis de generibus et speciebus? Cui

Глава X. Возвращение светской лит-ры и итоги философии средних веков 562

aeternum Verbum loquitur, a multis opinionibus expeditur»*. Со всех сторон — ибо эти свидетельства можно приумножить — приходят доказательства, что враждебность духовных лиц по отношению к схоластической философии не складывала оружия на протяжении всего XIV века, и тем самым было значительно облегчено возвращение красноречия.

Когда ищут, каковы были в Париже источники того, что называют гуманизмом или даже предгуманизмом, этими терминами обычно обозначают движение, аналогичное тому, которое мы только что наблюдали в Италии. Так ставить проблему — значит просто спрашивать, в какой момент влияние Петрарки и его учеников начало проникать во Францию. Тогда естественно ее разрешить, отождествив дату начала этого влияния со временем второй поездки Петрарки в Париж в 1361 г. С другой стороны, мы знаем, что, прибыв в Париж, Петрарка уже нашел там нескольких почитателей античности. Во всяком случае, из письма самого Петрарки видно, что он там близко общался с Петром Берсюиром (ок. 1290—1362), о котором он говорит с уважением. Но Берсюир умрет в следующем году: к этому времени он уже написал множество сочинений. Верно, что отношения Берсюира и Петрарки уходят далеко в прошлое. В одном из писем, рассказывая о людях, которые иногда совершали поездки из Авиньона в Воклюз, чтобы навестить одинокого Петрарку, он среди прочих называет одно имя: Пьер из Пуатье, именуемый Berchorius, vir insignis pietate et litteris**. Но поскольку к этому времени Петрарка уважал эрудицию Берсюира, значит, последний не обязан ею Петрарке. Впрочем, достаточно открыть сочинения Берсюира, чтобы согласиться, что он действительно ничем не обязан Петрарке, так как его эрудиция обитала как бы в сфере совсем другого духа.

Сначала Корделье, как верно утверждает аббат де Сад (что бы он ни говорил дальше), затем Бенедиктин из аббатства Майзе указывают, что Берсюир находился при авиньонс-

ком дворе по крайней мере с 1328 по 1340 г. в качестве секретаря кардинала Петра де Пре. Благодаря своему провинциальному происхождению и интеллектуальным склонностям он полностью избежал влияния Парижского университета. Его культура — это культура образованного монаха в средневековом аббатстве, верном традициям прошлого и не затронутым теологическими революциями в Париже; и сам он занимался не Аристотелем, а Священным Писанием: «Я работал прежде и дольше всего, изучая четыре раза текст Библии, и чтобы уметь цитировать ее, не пользуясь симфониями, я с предельной точностью представлял себе описанные в ней образы, истории и авторитеты». Результат этих усилий — книга «Вос-тановление морали» («Reductorium morale») — не имеет ничего общего с тем, что называют гуманизмом. Как указывает заглавие, целью этого труда является представление всего сущего в нравственных категориях, то есть рассмотрение в каждом объекте только того, из чего можно извлечь нравственные уроки: сначала — Бог, который «морализи-рован», как все остальное, затем — ангелы, демоны, человек, животные, растения, минералы, элементы и так — до элементарных свойств объектов. Поразительно, сколько нравственного Берсюир смог извлечь из отдельного